

Владимир Кожедеев
Имперский туман

Владимир Кожедеев

Имперский туман

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Имперский туман / В. Кожедеев — «Автор», 2026

Петербург, Город туманов, дворцов и тайн, которые не выносят света. Молодой сыщик Арсений Нечаев, обладающий феноменальной памятью и чутьём на ложь, получает странное письмо от статс-дамы Урусовой. Её мужу под видом императорского подарка преподнесли малахитовую шкатулку с позолоченным пауком внутри. Легенда гласит: «Кто возьмёт паука в руки, тот лишится ума и состояния». В тот же вечер граф Урусов продаёт фамильные бриллианты и бесследно исчезает. Так начинается расследование, которое приведёт Арсения и его верных друзей — гурмана Льва Громова и химика Софью Долгорукову — в самое сердце заговора, угрожающего не только состоянию, но и самому трону Российской империи. Их путь пройдёт через подлоги и кражи, тайные сделки и смертельные опасности, встречи с врагами из прошлого. «Имперский туман» — это захватывающий детектив в лучших традициях петербургской прозы, где переплетаются психологический реализм, лёгкий юмор и атмосфера города, в котором даже свет кажется таинственным.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Предыстория	5
Глава 2. Начало истории	8
Глава 3. Взросление и учения	11
Глава 4. Дело о шкатулке, которая обещала безумие	14
Глава 5. Туман рассеивается, но загадок становится больше	17
Глава 6. Химия доказывает, что даже золото может лгать	21
Глава 7. Обед превращается в шахматную партию, а десерт становится уликой	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Кожедеев

Имперский туман

Глава 1. Предыстория

Из столичных ведомостей.

Граф Игнатьев обещает тишину, но не ручается за погоду.

На заседании Комитета министров граф Игнатьев, занявший пост министра внутренних дел после покойного графа Лорис-Меликова, твёрдо заявил, что «крамола в столице взята под неусыпный надзор». Министр выразил надежду, что петербургский обыватель наконец сможет вздохнуть свободно, — и тут же с едва уловимой усмешкой добавил: «За погоду в сентябре я не отвечаю, равно как и за своенравие извозчиков». В зале заседаний раздался смех — редкий, почти забытый звук, впервые за долгие годы нарушивший чинную тишину.

Собачий указ.

Генерал-адъютант Грессер издал строжайшее предписание: владельцам всех собак, чей рост превышает аршин, надлежит выгуливать питомцев исключительно в намордниках и на коротких поводках. Поводом послужил досадный случай на Невском проспекте: бульдог по кличке Амур, завидев новую муфту жены статского советника, принял её за дичь и так напугал даму, что та упала в обморок. С тех пор горожанки перешёптываются: «Теперь и собаки стали чопорнее нас».

Вести из-за границы.

Из Берлина доходят противоречивые слухи. Канцлер Бисмарк, по свидетельствам осведомлённых лиц, крайне недоволен уклончивостью Вены в вопросе балканских гарантий. Наш корреспондент в Дрездене отмечает: германские генералы всё чаще склоняются над картами, тогда как император Вильгельм, будто нарочно, посвящает все свои дни разведению роз в Потсдаме. Венский двор официально заверяет, что «верность союзникам священна», однако в кулуарах не утихают шёпоты о секретной встрече австрийского посла с турецким султаном. Петербургские дипломаты пока хранят многозначительное молчание — и тем лишь усиливают всеобщее беспокойство.

Лондонские упрёки.

Лондонские газеты вновь обрушиваются с критикой на российскую политику в Средней Азии, именуя её «нескромной». Министерство иностранных дел ограничилось сдержанным ответом: «Россия действует в пределах своей естественной необходимости». По слухам, император Александр Александрович, ознакомившись с очередной британской нотой, иронично заметил: «Если бы у них было столько же земли, сколько слов, они бы не завидовали».

Столичные сплетни.

Быль или небылица — неизвестно, но в гостиных только и разговоров, что об арбузе в оранжерее графини Шереметевой. В этом году там вызрел плод величиной с детскую голову. Графиня собственноручно выставила его на обозрение во время именин своей невестки и с загадочной улыбкой объявила, что это «дар Балканской кампании». Гости переглядывались и гадали: что же внутри — чистая сладость или очередной политический намёк? Сам граф Шереметев, человек сдержанный, лишь хмыкнул и, не сказав ни слова, удалился курить в библиотеку.

Театральные кулуары полны пересудов: будто бы тайный поклонник Марии Карсавиной — имя его по-прежнему держится в секрете — преподнёс ей веер, усыпанный алмазами. По легенде, этот веер некогда принадлежал самой императрице Жозефине. Скептики в труппе

лишь покачивают головами, делая вид, что верят. Сама Карсавина отвечает на все расспросы одной и той же загадочной улыбкой: «Это подарок от судьбы».

От господина Малкиеля, конференсье.

— Приходит как-то дворник к приставу и говорит:

— Ваше благородие, я нашёл у себя в подвале клад!

— Ну, показывай.

— Да вот он, — и вынимает из кармана кирпич, завернутый в бумагу. На нём выведено: «Со времён Екатерины».

Пристав осмотрел находку и тяжело вздохнул:

— Это не клад, любезный. Это мой рапорт за прошлый год.

А вот ещё анекдот, что ходит по кабинетам:

Господин министр финансов говорит господину министру внутренних дел:

— У нас в казне снова нестыковка.

— Что ж, тогда давайте сократим армию.

— Нельзя: у нас и так одни генералы.

— Тогда сократим чиновников.

— А кто же тогда будет писать объяснения, почему мы сократили армию?

— Имперский туман.

Голоса города.

Аграфена-зеленщица всплескивает руками:

— Батюшки-светы, слышали? Говорят, из-за неурожая в Саратовской губернии хлеб вздорожает до небес. Купцы уж прячут муку в амбары, а цены-то гнут! Я вчера за пуд пшеницы столько же отдала, сколько за пару сапог, а сапоги-то дырявые!

Лукич-мясник усмехается:

— Всё врут, Аграфена. Это спекулянты стараются. У меня свой человек в порту есть — он говорит, зерно идёт. Просто кое-кто выжидает. Вот, небось, наша полиция с ними разберётся... если, конечно, не спит. А спит она, говорят, по приказу свыше.

Мальчишка-разносчик Ванька тараторит, размахивая газетами:

— А я слышал, что на Адмиралтейской верфи у одного флотского офицера часы с цепочкой пропали. Ищут, ищут — никак не найдут. А всё потому, что часы те заговорённые! Их сам царь-батюшка из Германии привёз. Кто их наденет — тот и лейтенантом станет, хоть ты сапожник!

Дворницкие новости.

— Слушайте, ваше благородие, что народ говорит. За последнюю неделю из трёх домов на Мойке по ночам слышен странный звон — будто кто-то по стеклу стучит серебряной ложкой. Барыни крестятся, а кучер Петька божится, что это домовый старый баронский клад ищет. А по-моему, это жулики пробуют, выведывают, у кого ставни плохо закрыты. Вот недавно одного такого я лично метлой спугнул. Побежал он, а я ему вслед крикнул: «Беги, касатик, беги, пока твоя типология не сработала!»

— А ещё извозчики рассказывают: на Васильевском острове какой-то студент весь в чернилах ходит и всё про какие-то «бутерброды» твердит. Видать, экзамены его заели. Или любовь — что тоже не слаще чернил.

Предсказания и знаменья.

— Зря вы, пане, смеётесь. В Петербурге нынче воздух тяжёлый — не от дождей, а от замыслов. Смотрите, скажу вам: в эти дни кто-то держит в руках предмет, который должен быть проклят. Не золото это, не злато, а суть — маленькая вещица, о которой мало кто знает. Как только её владелец начнёт верить в неё, так и начнётся путаница: сначала исчезнет один, потом другой, потом бумаги поползут не туда, а государство, глядишь, и споткнётся.

— А что за вещица-то, Фёкла?

— Не вещь это, а идея, — ухмыляется гадалка, пряча карты в платок. — Но если уж вам так хочется знамения: кто-то в этом году найдёт шкатулку и не сможет её открыть. А в ней — не деньги, а судьба. Наша. И ваша. И дворник Макар знает о ней больше, чем господа министры. Да только не скажет — боится.

И, подмигнув, она исчезает в арке, оставляя после себя запах махорки и проницательной улыбки.

Отдел происшествий. Странное дело на Невском.

Как передают, третьего дня у гостиницы «Европейская» был задержан господин, представившийся бароном. Он предлагал прохожим «подарить малахитовую шкатулку в обмен на правую руку». Полиция, изучив шкатулку, не нашла в ней ничего, кроме записочки: «Кто возьмёт — того судьба догонит». Барон оказался переодетым чиновником из канцелярии, который, по собственному признанию, «хотел пошутить». Шутить, однако, ныне запрещено. Дело передано следователю Нечаеву — молодому человеку, о котором уже ходят слухи как о «близоруким сыщике, видящем дальше всех».

Глава 2. Начало истории

Сентябрь выдался в Петербурге на редкость сухим и пронзительно-ясным. Солнце, обычно скупое на ласки северной столицы, вдруг расщедрилось и залило золотистым светом мокрые граниты набережных, позолотило шпиль Петропавловки и, словно шалун, заглянуло в высокие окна здания Императорской гимназии на Лиговском проспекте. В этом сиянии даже привычная школьная форма казалась не столь унылой, а пыль, танцующая в воздухе, походила на рой крошечных золотых мушек.

Для восьмилетнего Арсения Нечаева это утро было омрачено трагедией. Маменька, тщательно упаковавшая в жестяную коробку из-под леденцов его любимые бутерброды с ветчиной, по недосмотру положила в тот же саквояж пузырек с чернилами, который предназначался для занятий чистописанием. И, как это всегда бывает в мире несовершенной физики, пузырек разбился именно в ту самую минуту, когда Арсений, наконец, дождавшись большой перемены, открыл заветный ящичек.

— Ах, ты ж... растяпа! — прошептал Арсений, глядя, как густая, блестящая лужица фиолетового цвета растекается по его новым брюкам, по полу, а главное — заливает сверху его единственный, драгоценный бутерброд, превращая его в некий несъедобный артефакт.

Глаза его, и без того большие и близорукие (пенсне он получит только через четыре года), наполнились той истинной детской скорбью, которая не знает компромиссов. Он стоял в коридоре, у самой двери класса, и его плечи поникли под тяжестью вселенской несправедливости.

И в этот момент, словно ангел-хранитель, явился Лев Громов. Громов, даже в столь юном возрасте, был человеком фактурным. Розовощекий, с копной непослушных русых кудрей, он обладал тем редким даром безмятежности, который делал его похожим на маленького, но очень уверенного в себе медвежонка. В руке он держал гордость своей матушки — огромный, щедро сдобренный маслом пирожок с капустой, из которого аппетитно выглядывал румяный край.

— Эй, ты чего нос повесил? — жизнерадостно прогудел Лев, подходя ближе. Он глянул на чернильную лужу, на безнадежно испорченную ветчину и мгновенно оценил картину. — Да ну, ерунда! Сейчас мы это поправим. Держи!

Лев ловко, с врожденным артистизмом, разорвал свой пирожок ровно пополам и протянул половину Арсению. В этом жесте не было ни капли жертвенности, только чистосердечное желание поделиться теплом — и в прямом, и в переносном смысле.

Но судьба-злодейка уже готовила свои декорации. Из-за угла, с гиканьем и топотом, вылетела ватага гимназистов старшего класса, и впереди всех, словно таран, неся Кузьма Бобрищев-Пушкин. Кузьма был на три года старше, уже усатый, с нагловатым, не по годам развитым чувством превосходства. Завидев протянутый пирожок, он чисто по-собственнически, не разбирая дороги, рванул к ним, намереваясь этот пирожок конфисковать «для коллекции».

— А это что за дележка? Не порядок! — рывкнул Кузьма, выхватывая у Льва злополучную половину.

И в тот же миг его сапог — начищенный до зеркального блеска, сорок третьего размера — смачно, с хлопаящим звуком, опустился прямо в центр чернильной лужи Арсения. По коридору разнесся звук, похожий на аплодисменты болота. Брызги разлетелись во все стороны, заляпав пуговицы гимназического мундира Кузьмы, его белоснежные манжеты и даже, кажется, кончик его горделивого носа.

На мгновение воцарилась тишина, слышная, как звон в ушах. Кузьма уставился на свой испорченный сапог, потом на пирожок в руке, потом на этих двоих «мелюзг», которые стояли перед ним с крайне невинными лицами.

— Вы... — прошипел он, переполняясь той праведной злобой, которая запоминается на всю жизнь. — Вы, двое уродцев! Помните мой день! — Он отшвырнул пирожок в урну,

которая, по иронии, стояла рядом, и, гордо печата шаг, удалился, оставляя за собой лиловые следы на паркете.

— Ну вот, — философски заметил Лев, глядя на опустевшую урну. — Теперь и у меня нет завтрака.

— И у меня, — вздохнул Арсений, но на губах его уже рождалась странная, не по-детски хитрая улыбка. — Зато я запомнил, что у Бобрищева на левом ботинке шнурок был развязан, а в кармане торчала книжка Достоевского, которую он читает на уроках Закона Божьего. Учитель всё это увидит, даже если мы не скажем ни слова. И у него будут неприятности.

Лев изумленно уставился на нового знакомого. Среди звона колокола, созывающего на урок, и солнечных зайчиков, прыгающих по стенам, зародилось то, что позднее назовут «союзом сыска и гастрономии». Они не поменялись бутербродами в тот день, они поменялись судьбами.

С этого мгновения, окрашенного в яркий, праздничный цвет майской травы и фиолетовых чернил, началась их дружба. А следом за ней — их вечная, изящная, полная подколов и мелочных пакостей война с Кузьмой Бобрищевым-Пушкиным, которая, как тонкая литая сталь, пронзила все их последующие годы, превратившись в ту самую пружину, что в итоге и закрутит главное «Дело о малахитовой шкатулке».

Прошло три года. Классная дама, мадам Жюли, всё так же тщетно пыталась привить шаловливым мальчикам французский прононс, а в гимназии набирала обороты тайная война. Кузьма Бобрищев-Пушкин, не простивший испорченных сапог, теперь правил бал среди старшеклассников. Он отбирал у младших завтраки, подставлял подножки и однажды даже утопил в ведре с водой новую фуражку Льва.

Но Лев и Арсений умели давать сдачи. И не силой, а хитростью, которая в Петербурге ценилась куда дороже мускулов.

Однажды, во время большой перемены, из учительской пропал огромный яблочный пирог, приготовленный женой директора к его именинам. Педагогический совет был в панике: кража в святая святых! Вор — Бобрищев, конечно же, чувствуя себя неприкасаемым, злорадно поглядывал на Арсения, намекая на его «подозрительное» происхождение (отец Арсения был всего лишь коллежским советником, а у Кузьмы — связи в министерстве).

Арсений вызвался расследовать. Он не стал обыскивать портфели. Он просто попросил всех мальчиков, кто приносил завтрак из дома, подойти к окну.

— У кого сегодня был бутерброд с рыбой? — спросил он.

Никто не поднял руки.

— А с мясом?

Несколько человек подняли.

— А пирожок, — уточнил Арсений, — был с повидлом?

Тут поднял руку и сам Кузьма, высокомерно скривив губы.

— Отлично, — сказал Арсений, поправляя съехавшее пенсне. — Дело в том, что на подоконнике, куда выходил дым из пекарни, осела сахарная пудра. Когда вор нес пирог, он испачкал рукав. У всех мальчиков, у которых завтрак был не сладким, рукава чистые. — Он повернулся к Кузьме. — А вот у вас, Кузьма Терентьевич, на левом обшлаге отчетливый отпечаток жирного крема. И второе: мальчик, у которого пирожок с повидлом, обычно лижет пальцы. У вас, как я заметил, палец правой руки был облизан, но не сахаром, а... яблочной кислинкой. Вы съели пирог не дома, а здесь.

Кузьма побагровел так, что стал похож на свеклу, которой он так и не попробовал в тот день. Его поймали, разжаловали из старост, и он поклялся отомстить этой «близорукой крысе».

А Лев в тот момент, уплетая за обе щеки второй завтрак Арсения (который сыщик отдал другу за моральную поддержку), изрёк историческую фразу:

— Знаешь, Нечаев, если бы ты не стал сыщиком, из тебя вышел бы отличный официант. Ты слишком хорошо смотришь на грязные тарелки.

И они долго смеялись на лестнице, любясь на закат, который разукрасил Исаакиевский собор в розовые и сиреневые тона — те самые цвета, в которые был окрашен их общий мир безмятежного, солнечного, почти игрушечного Петербурга их детства.

Глава 3. Взросление и учения

Конец 1880-х годов встретил Петербург ветрами, срывающими шляпы с прохожих, и невиданным подъёмом умственной жизни. Университетская набережная, облитая тусклым серебром осеннего солнца, казалась ареной, где разыгрывались драмы посерьёзнее, чем в любом театре. И главным действующим лицом этой сцены для Арсения Платоновича Нечаева стала его курсовая работа, которая, подобно метеору, ворвалась в сонный мир юридической рутины.

Арсений выбрал тему, от которой у его научного руководителя, седовласого профессора Мерцалова, задергался глаз: «Типология преступных ошибок: от неверного шага до роковой небрежности». Вместо привычного цитирования римского права, он принёс объёмистый фолиант, в котором с дотошностью естествоиспытателя классифицировал не сами преступления, а недочёты преступников.

— Помилуйте, Нечаев, — бормотал Мерцалов, перелистывая страницы и протирая очки. — Вы пишете, что господин грабитель из Офицерской улицы был обнаружен лишь потому, что чихнул на лестнице? Что вы приписываете это к категории «физиологических несообразностей»?

— Именно так, профессор, — отвечал Арсений, поправляя пенсне, и в его голосе звучала та самая непоколебимая уверенность, что рождается только из абсолютного знания предмета. — Если бы он простудился в другой день, дело осталось бы нераскрытым. Преступник не учёл петербургской погоды. Это ошибка в прогнозировании внешней среды. Видите, даже климат работает на нас.

В аудитории, где обычно царила академическая скука, на защите его работы яблоку было негде упасть. Студенты хихикали, профессора перешёптывались, а на кафедре красовался график «когнитивных сбоев злоумышленников». Арсений защитился на «отлично», и с тех пор его имя стало нарицательным: студенты, заваливавшие экзамены, говорили: «Ну я совершил типичную "ошибку Нечаева" — не выучил второй билет».

Пока Арсений с головой ушёл в криминальную типологию, его друг Лев Семёнович Громов покорял университет совершенно с другой, не менее важной стороны. Лев стал душой общества, тем неутомимым человеком-праздником, без которого любое студенческое собрание превращалось в скучный семинар.

Его называли «деканом гастрономии». Лев знал все трактиры на Васильевском острове, помнил наизусть меню «Медведя» и умел за пять минут организовать пирушку из одной колбасы, сухарей и найденного под столом графина с наливкой. Речи его были столь же обильны и вкусны, как и угощения: он мог с одинаковым пылом спорить о кантианстве и о том, какая сёмга солонее — карельская или архангельская.

— Левушка, ты бы мог стать великим дипломатом, — говорили ему однокурсники. — Ты любую аудиторию убалтываешь!

— Дипломаты лгут, — поправлял их Лев, с наслаждением жуя пирожок. — А я просто создаю атмосферу доверия. За рюмкой мадеры любой шпион выдаст все секреты, а за бутербродом с икрой — даже имя своей первой любви. Это и есть истинная психология, дорогие мои. Нечаев классифицирует ошибки, а я — классифицирую ужины. Мы с ним две стороны одной медали.

Именно благодаря Льву у Арсения завелись нужные знакомства, а сам сыщик-любитель научился тому, чему не учат в академиях: распознавать ложь по тому, как человек берёт вилку, и считывать нервозность по крошкам на столе. Лев был его глазами в мире человеческих страстей, где законы логики часто уступали место законам желудка.

Но самой яркой звездой на этом небосводе взросления стала Софья Николаевна Долгорукова. Её появление в Университете произвело эффект разорвавшейся бомбы. Во-первых, она была женщиной в храме сугубой мужской учёности. Во-вторых, она была химиком. В те годы это казалось столь же невероятным, как снег в июле.

Однако её допустили. Платили ей гроши, но разрешили работать в лаборатории при Академии наук — в подвальном помещении, где пахло озоном, серой и вечной романтикой эксперимента.

Познакомился с ней Арсений благодаря курьёзному случаю: он пришёл в лабораторию по делу о пропавшем реактиве из другой комнаты (следуя своей типологии, он искал «ошибки хранения»). И застал Софью в тот момент, когда она с абсолютно невозмутимым лицом смотрела на пробирку, в которой вольфрам бурно реагировал с кислотой, выпуская облака едкого дыма.

Софья была стройна, рыжеволоса, с острым носом, вечно испачканными чернилами пальцами и проницательным взглядом, который, казалось, видел вас насквозь, как рентген.

— Не подходите, Платонович, — сказала она, не оборачиваясь, но каким-то чутьём угадав в нём сыщика. — Если вы ищете пропавший цинк, то он в третьем шкафу, а если вы ищете вдохновение, то его здесь нет. Есть только вот это.

Она указала на пробирку, где бурление начало стихать, и с лёгкой, почти ядовитой улыбкой добавила:

— Удивительно, но скорость реакции вольфрама на вольфрамовую кислоту ничуть не уступает скорости, с какой улетучиваются ваши деньги, Платонович. Я слышана, что вы тратите всё жалование на книги о мелких кражах. Не лучше ли отложить на приличный сюртук?

Арсений, привыкший к тому, что его боятся или побаиваются (как полицейскую ищейку), впервые столкнулся с откровенной насмешкой, которая была лишена злобы. Его удивило, как в одной фразе могут уживаться точность естествоиспытателя и женская лукавость.

— Книжки, сударыня, — парировал он, — дешевле, чем опыты с благородными металлами. Но я вижу, что вы тоже любите рисковать. Работа с кислотой в подвале без вытяжки...

— Это не риск, это привычка, — перебила Софья, наконец поворачиваясь к нему, и её зелёные глаза блеснули в свете спиртовки. — Мужчины привыкли, что женщины портят только кашу. А я хочу испортить их стереотипы.

С этого разговора, колкого, как кислотный пар, и началась их странная связь. Арсений стал частым гостем лаборатории: то под видом консультанта по делу о подделке медицинских рецептов, то просто чтобы посмотреть, как Софья превращает одну субстанцию в другую. Она терпеливо объясняла ему химию, а он учил её замечать в людях то, что они скрывают.

— Вы слишком подозрительны, — замечала она. — В каждой пробирке видите отраву, в каждом человеке — преступника.

— А вы слишком наивны, — усмехался он. — Полагаете, что вольфрам вас не подведёт. Но люди — не вольфрам. Они дают самые неожиданные реакции.

Их идиллия длилась недолго. Грозовые тучи сгустились в образе Кузьмы Терентьевича Бобрищева-Пушкина, который к тому времени превратился из гимназического хулигана в солидного промышленника с собственной фабрикой и весьма туманной репутацией. Он носил цилиндр, бриллиантовую булавку и питал к Арсению ту особенную, выверенную ненависть, которая питается годами.

Как только до него дошёл слух, что «эта рыжая выскочка» Долгорукова разработала новый состав для обработки металлов — прорыв, сулящий огромные деньги в военной промышленности, — Кузьма решил действовать.

— Конечно, я куплю её лабораторное оборудование, — объявил он, появляясь в Академии с толпой адвокатов. — Всё, что стоит на столах, все колбы, тигли, вытяжные шкафы.

Всё моё. И, разумеется, я не позволю какой-то девице использовать мои приборы для своих опасных опытов.

Бобрищев выписал чек на сумму, которая была ровно на копейку выше баланса Академии, и проект Софьи оказался под угрозой полного закрытия. Без оборудования её исследования становились пустым звуком, а её саму могли уволить за «нецелевое использование казённого имущества».

Арсений и Лев узнали об этом в тот же вечер. Лев сидел в своём любимом кресле с кружкой чая и глубокомысленно жевал пряник.

— Это подлость, — процедил Арсений, расхаживая по комнате. — Он специально нанёс удар туда, где я бессилён как сыщик. Я не могу его арестовать за покупку.

— Но мы можем ему помешать, — спокойно ответил Лев, облизывая пальцы. — Ты сыщик, я душа компании. У нас есть один талант: мы знаем слабости людей. А у Бобрищева есть главная слабость — он патологический жмот, но при этом трус. Он не проверит счета, если они подписаны «высоким покровителем».

И здесь родился план, от которого у самого Арсения зачесались руки — настолько он был дерзок и незаконен.

С помощью Софьи (которая с восторгом перепечатала гербовую бумагу) и Льва (который через своих друзей-приставов разузнал форму подписей), они создали фиктивное письмо от имени некоего министерского курьера. В письме говорилось, что оборудование, которое закупил Бобрищев, принадлежит не Академии, а является «секретным собственным инвентарём» Долгоруковой, переданным ей на хранение лично по распоряжению свыше, и что любой спор о собственности приведёт к расследованию его, Бобрищева, собственных фабричных махинаций.

Подлог был выполнен с филигранной тонкостью. Лев, с его актёрским талантом, нарядился в мундир и лично вручил Кузьме «уведомление», с таким важным видом, словно вручал государственную тайну. У Бобрищева, как и предполагалось, хватило ума испугаться: дёргать «министра» проверкой ему не хотелось.

Уже ночью, в той самой лаборатории, пахнувшей озоном и триумфом, они втроём пили разбавленный водой чай из мензурок. Софья, чьи глаза сияли от смеси усталости и восторга, протянула Арсению пробирку с чистой водой:

— За удачный подлог, Платонович. Теперь мы в ответе не только за честь, но и за этот фальшивый документ.

— Это не подлог, — поправил её Арсений с серьёзным лицом, но в уголках его губ дрожала улыбка. — Это, согласно моей типологии, «исправление процессуальной ошибки» со стороны истца. Мы просто привели факты к норме.

Лев крякнул и поднял свою кружку:

— Ну что вы, господа-преступники! Пейте, пока Бобрищев не одумался. За науку! За дружбу! И за то, чтобы вольфрам никогда не улетучивался!

В этот вечер, сквозь запотевшие окна лаборатории, был виден Петербург — туманный, фонарный, но абсолютно родной. В его свете, дрожащем, как пламя спиртовки, они были молоды, бедны, безумно дерзки и счастливы.

А на Лиговском проспекте, в своём особняке, Кузьма Бобрищев рвал в клочья злополучное письмо и клялся, что эти трое ещё поплатятся. Потому что Петербург — город маленький, и каждый счёт здесь когда-нибудь сходится. Пока что счёт был за ними.

Глава 4. Дело о шкатулке, которая обещала безумие

Сентябрь 1882 года выдался в Петербурге на редкость туманным. Не тем привычным, молочным и влажным туманом, который окутывает набережные и заставляет фонари светиться призрачными ореолами, а каким-то особенным — липким, серым, пронизывающим до костей. Казалось, сама Нева выдыхала эту дымку, и она, словно живое существо, заползала в щели окон, под воротники шинелей и, главное, в души обывателей, рождая в них смутную тревогу.

В этот самый туманный вечер, когда Арсений Платонович Нечаев, закончив разбирать очередное мелкое дело о краже серебряных ложек, сидел в своём кабинете и перелистывал свежий номер «Петербургского листка», в дверь постучали. Стук был нервным, дробным — таким стучат только курьеры, приносящие дурные вести.

— Войдите, — сказал Арсений, не поднимая глаз от газеты, где как раз красовалась заметка о «странном деле на Невском».

На пороге стоял мальчишка лет четырнадцати, весь мокрый от тумана, с красными от холода руками. В руках он держал конверт с сургучной печатью, на которой Арсений с первого взгляда узнал герб статс-дамы Урусовой — ту самую сложную вязь из лилий и корон, которую он видел всего однажды, да и то случайно, в архиве полицейского протокола.

— Вам, ваше благородие, — выдохнул мальчишка, протягивая конверт. — От её сиятельства. Срочно. Сказали — дело жизни и смерти.

Арсений поднял бровь. Статс-дама Урусова? Жена графа Урусова, того самого, который слыл среди аристократии чудаком, коллекционером редкостей и человеком, безнадёжно влюблённым в свою жену? Что могло связывать его с полицейским сыском?

Он вскрыл конверт. Записка была короткой, без подписи, но на тонкой гербовой бумаге, пахнущей лавандой:

«Арсений Платонович, умоляю, приезжайте немедленно. Муж мой сошёл с ума. Всё началось с подарка. Говорят, вы понимаете в таких вещах. Спасите его. Я на Мойке, дом 18, квартира 5. Приезжайте один. И, ради Бога, не прикасайтесь к шкатулке».

Арсений дважды перечитал записку, затем аккуратно сложил её и спрятал во внутренний карман сюртука. Он надел пальто, нахлобучил шляпу и, уже выходя, бросил взгляд на камин, где догорали поленья. Казалось, огонь в тот вечер горел как-то беспокойно, мечая тени по углам.

Дом на Мойке, 18, был старым, с высокой парадной, где пахло сыростью и вековым благородством. Арсения встретила сама статс-дама Урусова — женщина лет сорока пяти, с лицом, которое когда-то было прекрасным, а теперь искажённым гримасой ужаса. Она была в траурном платье, хотя в доме не было покойников, и руки её мелко дрожали.

— Слава Богу, вы приехали! — воскликнула она, хватая его за рукав. — Проходите в кабинет. Только не смотрите на паука.

— На кого? — переспросил Арсений, хотя уже догадывался.

— На паука! — прошептала она почти истерично. — Сегодня утром мужу доставили подарок. От самого императора! Якобы за его заслуги по попечительству над приютами. Шкатулка малахитовая — красота неопишемая. А внутри — паук. Позолоченный, с рубиновыми глазками. И записка: «Кто возьмёт паука в руки, тот лишится ума и состояния».

Арсений слушал, и в груди его разрасталось нехорошее предчувствие.

— И он взял?

— Взял! — всхлипнула графиня. — Он всегда был любопытным. Подержал паука в руках, посмотрел на свет и сказал: «Забавная безделица». А через час он уже продавал фамильные бриллианты! За бесценок! Какому-то проходимцу с Лиговки! А теперь он исчез. Просто вышел из дома и не вернулся. В кабинете мы нашли только это.

Она протянула Арсению лист бумаги. Это был приказ — странный, нелепый, написанный рукой графа, но словно в бреду: «Всю наличную казну перевести на счёт господина Бобрищева-Пушкина. Немедленно. Без объяснений».

Арсений замер. Бобрищев. Даже здесь, в этом кошмарном сне, мелькало имя его давнего врага. Он посмотрел на графиню и сказал как можно спокойнее:

— Сударыня, я осмотрю кабинет. И, прошу вас, не паникуйте. Ещё не вечер.

Кабинет графа был обставлен с той вычурной роскошью, которая выдаёт человека, обожающего антиквариат. Тяжёлые гардины из зелёного бархата, старинные карты на стенах, массивный дубовый стол и — в центре, на бархатной подушке, стояла она.

Малахитовая шкатулка.

Арсений подошёл ближе. Шкатулка была прекрасна — изумрудно-зелёный камень переливался в свете камина, жилками уходя вглубь, словно в нём застыла сама природа. Крышка была приоткрыта, и внутри, на алой бархатной подкладке, лежал паук.

Сделанный из золота, филигранно, до мельчайших деталей, с глазами из крошечных рубинов, он казался живым. Но что-то в нём было не так. Арсений, не прикасаясь, наклонился и заглянул внутрь шкатулки. Его близорукие глаза, привыкшие к деталям, заметили то, что не заметил бы обыватель: на внутренней стенке, чуть заметный, был след от неаккуратного склеивания. Второй слой малахита.

— Фальшивка, — прошептал Арсений. — Верхний слой — настоящий малахит, но под ним — дешёвка. Это подлог. Шкатулка сделана не раньше прошлого года. И паук... — он взял его в руки, нарушая запрет, и поднёс к свету, — паук — немецкая работа. Такие штампуют в Саксонии десятками. Его позолота — краска. Дешёвая краска, которая уже начала стираться с брюшка.

Он опустил паука обратно, и в тот же миг почувствовал, как по его спине пробежал холод. Не от страха, а от понимания: это не мистика. Это спланированная акция. Кто-то намеренно создал эту легенду, чтобы сломать человека. И этот «кто-то» знал, что граф Урусов — человек впечатлительный и суеверный.

Арсений вышел из кабинета и столкнулся лицом к лицу с графиней.

— Я знаю, что делать, — сказал он твёрдо. — Ваш муж не сошёл с ума. Его просто... подтолкнули. Я найду его. Но сначала я должен поговорить с одним человеком.

Он не сказал: «Бобрищев», но это имя повисло в воздухе, как тот самый липкий туман за окном.

В тот же вечер Арсений явился в особняк Кузьмы Терентьевича Бобрищева-Пушкина на Лиговском проспекте. Особняк поражал своей помпезностью — тяжёлая лепнина, мраморные львы у входа, а внутри — запах дорогого табака и высокомерия.

Бобрищев встретил его в гостиной, сидя в кресле у камина. Он был в дорогом шёлковом халате, в руке — бокал с коньяком, и на его лице играла та самая таинственная улыбка, которую Арсений так хорошо помнил с гимназических лет.

— Нечаев! — воскликнул Кузьма с притворной радостью. — Какой сюрприз! Что привело вас в мою скромную обитель? Неужели вы пришли попросить у меня прощения за ту историю с пирожком? Хотя прошло уже двадцать лет, я не злопамятен!

— Бобрищев, — холодно сказал Арсений, — я пришёл не для шуток. Граф Урусов исчез. Его состояние разграблено. И во всём этом, как ни странно, всплывает ваше имя. Будете отрицать?

Кузьма сделал глоток коньяка, и его глаза блеснули в отблесках пламени.

— Ах, Урусов! — протянул он. — Бедный, бедный граф! Я слышал, он в последнее время слишком увлёкся оккультизмом. Впрочем, это судьба всех слабых умов. Но вы, Арсений Платонович, не хотите ли присоединиться ко мне? У меня есть коньяк, есть шахматы... Мы могли бы обсудить наши старые разногласия как цивилизованные люди.

Арсений не сел. Он стоял у камина, глядя на Кузьму в упор.

— Я знаю, что вы причастны. Вопрос только: зачем? Деньги? Или старая месть?

Бобрищев расхохотался — громко, фальшиво, с той особенной интонацией, которая не оставляла сомнений в его виновности.

— Месть? Боже упаси! Я промышленник, Нечаев. Я просто... делаю бизнес. А что касается мистической шкатулки, — он наклонился вперёд и понизил голос до шёпота, — я поклялся вам своей честью, что не имею к ней никакого отношения. Разве вы не верите моей чести?

Арсений посмотрел на него и понял: Кузьма врёт. Но врёт виртуозно. Он намеренно провоцирует его, чтобы выбить из колеи.

— Я не верю ни вашей чести, ни вашим клятвам, — ответил Арсений спокойно. — Но я предлагаю вам сделку. Вы даёте мне информацию о шкатулке — я не мешаю вашим коммерческим делам в течение месяца. Нейтралитет. Честное слово сыщика.

Кузьма задумчиво посмотрел на него, затем медленно кивнул.

— Хорошо. Информация — я помню одного мастера, который делал такие шкатулки. Мастеров зовут Ефим Фролов, он живёт на Песках. Но, — он поднял палец, — это всё, что я знаю. Теперь, Арсений Платонович, будьте любезны, покиньте мой дом. Мне нужно готовиться к завтрашней встрече.

Арсений вышел, чувствуя, что оставляет в особняке нечто большее, чем просто неоконченный разговор. Он оставлял там ловушку.

Наутро мир перевернулся.

Арсений пришёл в свой кабинет в Сыскной полиции и застал там переполох. Начальник отделения, Карл Фёдорович Шульц, стоял у его стола с багровым лицом и тряс какой-то бумагой.

— Что это?! — заорал Шульц, размахивая перед носом Арсения протоколом. — Что вы натворили, Нечаев?!

— Я ничего не натворил, — спокойно ответил Арсений, хотя сердце его забилося быстрее.

— А это?! — Шульц высыпал на стол содержимое своего портфеля — и на дубовую столешницу со звоном выкатились золотые монеты. ИмперIALы. Десятки имперIALов, с царским вензелем. Именно такие пропали из сейфа министра финансов прошлой ночью.

Арсений побледнел.

— Это не мои, — сказал он. — Это подлог. Меня подставили.

— Подставили?! — закричал Шульц. — Завтра же вы будете отстранены от дел! Дело о шкатулке закрыто! Мистика! Чепуха! Боюсь огласки! Я не хочу видеть ваше лицо в этой канцелярии до тех пор, пока это не прояснится!

Арсений посмотрел на монеты. Они лежали на его столе, сияя тёплым желтым светом, и в каждом отсвете ему мерещилась ухмылка Бобрищева.

«Ну что ж, Кузьма, — подумал он, — ты объявил войну. Только ты забыл, что я — сыщик. Я выведу твою тайну даже из-под этих монет».

Он взял одну монету, повертел её в руках и заметил мельчайшую царапину, которую могли оставить только плохо отполированные станки подвального цеха. Царапина была... новая. Свежая. Прямо как та краска на брюшке паука.

И в этот момент, сквозь туман, за окном, пробивался редкий, но отчаянно светлый луч петербургского солнца. Он упал на монету, и она вспыхнула, как намёк.

— Нет, Карл Фёдорович, — тихо сказал Арсений, глядя на начальника. — Дело только начинается.

Глава 5. Туман рассеивается, но загадок становится больше

Отстранение от дел оказалось для Арсения не наказанием, а странным подарком судьбы. Шульц, багровый от праведного гнева, собственноручно выставил его за дверь канцелярии, пригрозив, если в течение трёх дней «этот бедлам» не разрешится, он лишит Нечаева не только жалования, но и права носить форменный сюртук.

— Три дня, Нечаев! — кричал Шульц, потрясая кулаком. — Три дня, и я лично сдам вас в участок как соучастника кражи государственных средств! И не смейте больше появляться здесь с вашими дедукциями!

Арсений вышел на улицу и глубоко вдохнул сырой петербургский воздух. Туман к утру чуть рассеялся, открывая серое небо и влажные мостовые, где извозчики уже вовсю перекликались хриплыми голосами. Вместо того чтобы чувствовать себя униженным, он почувствовал необычную лёгкость. Теперь у него были развязаны руки. Никаких протоколов, никаких рапортов, никакого начальственного ока. Только он, его чутьё и, главное, его друзья.

Он направился к Льву Громову.

Лев Семёнович обитал в уютной квартирке на Васильевском острове, в доме, где всегда пахло свежей выпечкой и где хозяйка-старушка, мадам Шмидт, считала его «своим мальчиком» за то, что он регулярно помогал ей снимать с печи противни. Арсений застал друга за утренним чаепитием: на столе дымился самовар, стояла тарелка с бубликами и банка с абрикосовым вареньем, а сам Лев, в шлафроке и с газетой в руках, напоминал сытого и крайне довольного жизнью кота.

— Слышал, слышал! — прогудел Лев, даже не оборачиваясь. — Вся улица гудит, что ты теперь вне закона. Садись, ешь. У тебя вид как у человека, который не завтракал три дня.

— Я не голоден, — начал Арсений, но Лев уже протянул ему бублик с вареньем.

— Ешь, говорю. На голодный желудок ничего не расследуется. Это моя профессиональная аксиома.

Арсений вздохнул, взял бублик и, откусывая, стал рассказывать. Всё: от шкатулки и паука до ночного визита к Бобрищеву и утреннего скандала с монетами.

Лев слушал, неторопливо жуя, и его глаза становились всё более задумчивыми. Когда Арсений закончил, он откинулся на спинку стула и долго молчал, помешивая чай.

— Бобрищев, — наконец произнёс он. — Ну что ж. Наш старый друг Кузьма решил перейти от пирожков к государственной измене. Это даже уважительно. Но у него есть одна слабость, которую мы забыли.

— Какая? — спросил Арсений.

— Он любит хорошую кухню, — усмехнулся Лев. — И при этом не выносит одиночества. Он будет сегодня в «Медведе» — у него там еженедельный обед с подрядчиками. Я это знаю от своего приятеля-трактирщика. Если мы хотим узнать, кто делал шкатулку, нужно застать его врасплох. Но не в кабинете, а на его территории. За едой язык развязывается сам собой.

Арсений улыбнулся. В этом и заключался дар Льва — он видел людей через их желудки.

— Идём в «Медведя», — сказал он, вставая.

— Только дай мне одеться по-человечески, — ответил Лев, кивая на свой шлафрок. — И, Арсений, имей в виду: Бобрищев будет окружён людьми. Мы не можем просто подойти и задать вопросы. Это было бы слишком грубо.

— А что мы можем?

Лев хитро прищурился.

— Мы можем устроить спектакль.

Ресторан «Медведь» на Большой Морской в этот час был полон. Пахло жареным мясом, дорогими духами и табаком. В глубине зала, за отдельным столиком под пальмой, восседал Кузьма Терентьевич в окружении трёх солидных мужчин в сюртуках. Они оживлённо обсуждали какие-то подряды, но Арсений заметил, что глаза Бобрищева беспокойно бегали, он что-то высматривал.

Лев и Арсений заняли столик в углу, откуда открывался хороший обзор, но сами они были скрыты пальмой. Лев заказал жаркое с картофелем и графин хереса, а затем, достав из кармана маленькое перо и флакончик с чернилами, принялся что-то писать на салфетке.

— Что ты делаешь? — спросил Арсений.

— Ты же помнишь, что Бобрищев боится только одного — когда его махинации становятся достоянием гласности. Я сейчас напишу записку от имени одного из его подрядчиков, якобы с предложением обсудить дела. Мой почерк очень похож на подчерк этого господина, который сидит с ним рядом. Я вчера видел его счета в трактире — случайно, конечно.

Лев быстро набросал несколько строк, сложил салфетку и, подозвав официанта, велел передать «тому господину за пальмой».

Через минуту официант подошёл к столу Бобрищева и передал салфетку. Кузьма прочитал, нахмурился, затем посмотрел на своего соседа справа. Тот изумлённо развёл руками. Бобрищев что-то резко спросил, сосед отрицательно покачал головой. Возникло замешательство.

— Сейчас он выйдет проветриться, — прошептал Лев. — Это его привычка — он не выносит, когда ему задают вопросы без подготовки. Он пойдёт в курительную комнату.

И действительно — Бобрищев резко встал, бросил салфетку на стол и направился к боковой двери.

Арсений и Лев незаметно поднялись и последовали за ним.

Курительная комната «Медведя» оказалась маленькой, душной, с красными плюшевыми креслами и сизым табачным дымом, висевшим под потолком, как предгрозовое облако. Бобрищев стоял у окна, набивая трубку, когда дверь открылась и вошли двое.

Он обернулся и застыл. В его глазах мелькнула смесь удивления и раздражения.

— Вы?! — прошипел он. — Вы что, преследуете меня, Нечаев?!

— Мы пришли поговорить, Кузьма Терентьевич, — мягко сказал Лев, закрывая за собой дверь. — По-свойски. Без этой вашей высокомерной мишуры. Помните, как в гимназии? Вы тогда тоже прятались за пальмой, когда поймали мой бутерброд.

Бобрищев зло усмехнулся.

— Не хотите ли выпить? — спросил он, пытаясь взять инициативу в свои руки. — За старые обиды?

— Мы пришли не пить, — холодно сказал Арсений. — Мы пришли узнать правду о шкатулке. Вы сказали мне имя мастера Фролова. Я навёл справки. Фролов умер пять лет назад от чахотки. И за всю свою жизнь он никогда не делал малахитовых шкатулок. Он делал только деревянные табакерки.

На лице Бобрищева дрогнула маска. Это длилось всего одно мгновение, но Арсений, привыкший видеть человеческие лица как раскрытые книги, успел заметить.

— Я ошибся, — сказал Кузьма, пожимая плечами. — С кем не бывает?

— С вами, Кузьма, — вмешался Лев, — такое бывает редко. Вы всегда всё продумываете. Значит, вы специально дали мне ложный след, чтобы я увяз в бесполезных поисках. Но я не увяз. Вместо этого я нашёл вот что.

Лев достал из кармана небольшую фотографию. Это была та самая шкатулка, снятая в кабинете графа, но с другого ракурса — снизу. На дне шкатулки был едва заметный клейм.

— Это клеймо петербургской мастерской господина Фрейберга, — сказал Лев. — Он работает на Невском и делает дорогие безделушки. Я зашёл к нему утром, пока вы завтракали.

Он узнал свою работу. И он сказал, что шкатулку у него заказали... вы, Кузьма Терентьевич. Лично, под чужим именем. Он поклялся, что это ваши люди платили.

Бобрищев побледнел. Его трубка выпала из рук и с глухим стуком ударилась о ковёр.

— Это клевета, — выдавил он, но голос его дрожал.

— А фотография? — спросил Арсений. — Вы хотите сказать, что я её подделал? Кстати, о подделках. — Он подошёл ближе и почти прошептал: — Я нашёл того человека, который сбывал бриллианты графа Урусова. Он мой старый знакомый, мелкий скупщик с Лиговки. Он сказал, что бриллианты ему передал лично ваш доверенный слуга, Пётр. И он готов под присягой это подтвердить.

В курительной комнате повисла тишина, которую нарушал только стук дождя за окном и хриплое дыхание Бобрищева.

— Вы... — начал он, поднимая на Арсения взгляд, полный бешенства и страха. — Вы не оставите меня в покое, да?

— Оставлю, — ответил Арсений. — Если вы скажете мне правду. Зачем вам это всё? Шкатулка, паук, легенда о проклятии — зачем топить графа и подставлять меня?

Бобрищев долго молчал. Затем, неожиданно, его лицо расслабилось — и он рассмеялся. Тихо, почти нежно.

— Ах, Нечаев, — сказал он, качая головой. — Вы ищете простой злой умысел, где есть только политика. Я действую не по своей воле. Мною управляют. Есть люди, которые хотят расшатать империю. И шкатулка — лишь инструмент. Я всего лишь пешка. Но вы меня не поймаете, потому что у меня есть алиби. И мой алиби — вот оно.

Он открыл портсигар и показал Арсению маленький серебряный ключик.

— Сегодня вечером, в девять, у Казанского собора. Там будет передача. Если вы хотите знать, кто настоящий заказчик — приходите. Но предупреждаю: вы попадёте в мир, где даже ваш нюх вас подведёт.

И, не дожидаясь ответа, он быстро вышел, оставив после себя запах табака и недосказанности.

На обратном пути к Васильевскому острову туман снова начал сгущаться. Арсений шёл молча, переваривая услышанное. Лев, напротив, был возбуждён и непрерывно жевал купленный с лотка калач.

— Это ловушка, — сказал наконец Арсений. — Он специально заманивает меня к собору, чтобы разделаться со мной. Или, что ещё хуже, подставить снова.

— А может, и нет, — философски заметил Лев, жуя. — Может, он действительно боится настоящих заказчиков больше, чем нас. Может, он хочет, чтобы мы перехватили передачу, и тогда все стрелки пойдут на других. В любом случае, — он похлопал друга по плечу, — у нас есть до вечера. Надо подготовиться. Я возьму у мадам Шмидт её старый саквояж, там есть место для сменной одежды. Мы переоденемся. Кстати, ты умеешь изображать нищего?

— Я умею изображать кого угодно, — усмехнулся Арсений. — Это моя профессия.

Они пошли дальше, и в сером петербургском небе вдруг пробился редкий луч солнца, осветив золотой купол Исаакия. Он был ярким и неожиданным, словно сама судьба говорила им: «Верьте, всё будет хорошо».

Но где-то внутри Арсений чувствовал — впереди самое страшное. И это не был страх перед Бобрищевым. Это был страх перед тем, что он мог узнать правду — слишком большую, чтобы она уместилась в обычной типологии преступных ошибок.

Он посмотрел на Льва, который доедал калач, и улыбнулся.

— Завтра, Левушка, мы будем либо героями, либо покойниками. А сегодня пойдём к Софье. Без её химии нам не обойтись.

— Зачем? — удивился Лев.

— Затем, — ответил Арсений, поправляя пенсне, — что нам понадобится не только ум, но и реактив, который может отличить настоящее золото от подделки. И, боюсь, это будет наш последний козырь.

Глава 6. Химия доказывает, что даже золото может лгать

Лаборатория Софьи Николаевны Долгоруковой встретила их привычным запахом озона, серы и вечной романтики эксперимента. В этот вечер она была особенно хороша — рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, на щеке — чернильное пятно, а глаза горели тем особенным огнём, который загорается только у людей, стоящих на пороге великого открытия.

— Вы вовремя, — сказала она, даже не оборачиваясь, когда Арсений и Лев вошли в лабораторию. Она колдовала над пробирками с какой-то зеленоватой жидкостью, которая при соприкосновении с воздухом начинала светиться слабым фосфоресцирующим светом. — Я как раз закончила свой новый состав. Полагаю, он вам пригодится.

— Откуда вы знаете, зачем мы пришли? — удивился Лев, плюхаясь на единственный свободный стул.

— Я знаю всё, что происходит в Петербурге, Лев Семёнович, — усмехнулась Софья, наконец поворачиваясь к ним. — Слухи распространяются быстрее, чем щелочь разъедает медь. Вас отстранили от дел, вас ищет полиция, вы ночью ходили к Бобрищеву, и теперь готовитесь к какой-то аванюре у Казанского собора. Я права?

Арсений и Лев переглянулись.

— Это не ваша война, Софья Николаевна, — начал Арсений. — Вас могут втянуть в опасную историю.

— Моя война, — твёрдо ответила она, подходя к ним и садясь напротив. — Бобрищев пытался уничтожить мою работу. Он хотел оставить меня без оборудования, без проекта, без будущего. Вы спасли меня тогда. Теперь я спасу вас. К тому же, — она хитро прищурилась, — я любопытна. Я никогда не видела настоящего заговора. Только описания в романах. А это гораздо интереснее.

Лев фыркнул от смеха и одобрительно покачал головой.

— Ну, Арсений, признай: эта женщина опаснее любого преступника. Она умеет убеждать лучше меня, а я, между прочим, профессионал.

Арсений вздохнул, понимая, что спорить бесполезно.

— Хорошо, — сказал он, — но при одном условии: вы будете действовать только по моей команде. И если я скажу «бегите» — вы бежите, не оглядываясь.

— Договорились, — кивнула Софья, но её глаза говорили, что она и не думает подчиняться. — А теперь рассказывайте. Что вы знаете о передаче у Казанского собора?

Арсений подробно пересказал всё, что произошло в «Медведе»: разговор с Бобрищевым, признание о заказчиках, серебряный ключик и таинственное приглашение на девять вечера.

— Значит, он хочет переложить свою вину на других, — задумчиво сказала Софья, вертя в руках стеклянную палочку. — Или подставить вас. Но есть одна деталь, которая менястораживает.

— Какая? — спросил Лев.

— Ключик. Серебряный ключик, который он вам показал. — Она подошла к своему столу и взяла лупу. — Зачем он вам его показал? Чтобы вы его запомнили. Чтобы вы искали именно этот ключ. Но если он хотел вас перехитрить, он бы не стал его показывать. Значит...

— Значит, он хочет, чтобы мы перехватили передачу, — закончил Арсений. — Он хочет, чтобы мы увидели, кому передают ключ. И тогда у нас будут имена заказчиков.

— Или, — вмешался Лев, дожёвывая сухарик, — он хочет, чтобы мы побежали за этим ключом, пока он сам совершит что-то ещё. Помните, он сказал, что он всего лишь пешка. А пешки часто жертвуют собой, чтобы спасти короля.

— Тогда нам нужно действовать на два фронта, — решила Софья. — Один из нас идёт к собору на передачу. Второй — следит за Бобрищевым. И третий... — она усмехнулась, — третий готовит реактив, который поможет нам отличить подделку от оригинала. Если там будет подделка — мы это узнаем сразу.

— Я иду к собору, — сказал Арсений.

— А я иду за Бобрищевым, — подхватил Лев.

— А я — в лабораторию, — улыбнулась Софья. — И, Арсений, возьмите это.

Она протянула ему маленький пузырёк с прозрачной жидкостью.

— Что это? — спросил он, разглядывая пузырёк на свет.

— Раствор йодистого калия с крахмалом. Если вы капнете на золото — ничего не случится. Но если это подделка, позолота или какой-то сплав, жидкость станет синей. Мгновенно. Это моя маленькая тайна. Держите при себе и не пролейте — это яд для ворон, но для человека просто слабительное.

Арсений спрятал пузырёк во внутренний карман куртки.

— Софья Николаевна, — сказал он, глядя ей прямо в глаза, — я ещё не отблагодарил вас за то, что вы тогда спасли мою репутацию с Бобрищевым. Если я не вернусь с этой операции...

— Если вы не вернётесь, я сама из вас сделаю реактив, — перебила она с улыбкой. — И буду хранить в пробирке. Так что возвращайтесь. Живым. Это приказ.

Лев закатил глаза.

— Боже мой, какие вы оба серьёзные! Прямо как в романах. А вы не забыли, что нам ещё переодеться? Мы идём на ночную операцию, а не на бал. У меня есть план.

План Льва оказался до гениальности прост: они переоденутся в форму мелких торговцев и официантов, чтобы слиться с толпой у Казанского собора. Лев, благодаря своей любви к трактирам, имел целый гардероб таких нарядов — он коллекционировал их для «анекдотических случаев» и «розыгрышей».

К девяти вечера они уже были на месте. Казанский собор возвышался в темноте, его колоннада тянулась к небу, освещённая редкими фонарями. Туман поднимался от набережной, укрывая всё вокруг пеленой тайны.

Арсений стоял в тени колонны, одетый в потёртое пальто и неказистую кепку. Лев пристроился неподалёку с тележкой, полной дырявых вёдер и чугунных кастрюль — его роль «торговца утилю» была естественной и правдоподобной.

— Я вижу фигуру, — прошептал Арсений, когда из тумана показался высокий человек в длинном плаще. Он шёл неторопливо, но с целеустремлённостью человека, который точно знает, куда идёт. В руке он держал небольшой кожаный саквояж.

Человек остановился у колонны, посмотрел на часы, затем перевёл взгляд на часы на соборе. Ждал. Через минуту из противоположной стороны появилась ещё одна фигура — пониже, сутулая, в потёртом картузе и сапогах. Между ними завязался краткий разговор.

Арсений не слышал слов, но видел, как человек в плаще протянул саквояж. Второй открыл его, проверил содержимое, кивнул и протянул взамен... тот самый серебряный ключик!

Сердце Арсения забилось быстрее. Ключик был настоящий. Он блеснул в тусклом свете фонаря, и это был именно тот ключ, что показывал Бобрищев.

Но в тот же момент что-то пошло не так.

Из-за угла выскочили двое. Они были в форме полиции, но Арсений сразу понял — это переодетые люди Бобрищева. Они схватили первого человека в плаще, вырвали у него ключ, а второго — сутулого — отбросили в сторону.

— Бегите! — закричал Арсений Льву, вырываясь из тени. — Это ловушка!

Но было поздно. Один из «полицейских» наставил на Арсения пистолет и громко, на всю площадь, крикнул:

— Ни с места! Господин Нечаев, вы арестованы за покушение на государственную измену!

Лев среагировал мгновенно. Он выскочил из-за тележки, схватил дырявое ведро и с силой запустил его в голову ближайшего «полицейского». Ведро с грохотом ударило того по затылку, и он свалился с глухим стоном.

— Арсений, уходи! — крикнул Лев, хватая за руку друга. — Я их задержу!

Но Арсений вырвался. Он кинулся к человеку, который держал ключ, и выбил его из руки ударом плеча. Ключ упал на булыжник, и в тот же миг Арсений наступил на него ногой.

— Стоять! — заорал оставшийся «полицейский», но Арсений уже понял — это не полиция. Это бандиты. Настоящие бандиты, которые работают на Бобрищева.

— Лев, беги! — крикнул он, вытаскивая из кармана пузырёк с реактивом. — Я знаю, что делать!

Он открыл пузырёк и выплеснул жидкость прямо на ключ. Через секунду ключ начал синеть. Ярко, неестественно, фальшиво. Подделка! Ключ был сделан из обычной латуни, покрытой тонким слоем серебряной краски.

— Он ненастоящий! — закричал Арсений, глядя на «полицейского». — Бобрищев вас обманул! Вы погнались за фальшивкой!

В этот момент, откуда ни возьмись, появилась Софья. Она была в мужском пальто и с огнетушителем — старым, медным, тяжёлым. С размаху она опустила его на голову второго бандита, и тот повалился как мешок.

— Я же сказала — не начинайте без меня! — выдохнула она, поправляя растрёпанные волосы.

— А вы... как вы здесь? — ошарашенно спросил Лев.

— Я следила за вами. В случае опасности. И опасность наступила быстрее, чем я думала. А теперь — все в подворотню! Быстро!

Они нырнули в ближайшую арку, оставляя на площади только дырявое ведро, синеющий ключ и двух оглушённых негодяев.

Задышавшись, они остановились в каком-то глухом переулке. Фонари здесь горели редко, но небо начало расчищаться — и на мгновение показалась луна, осветив их раскрасневшиеся лица.

— Ключ был подделка, — хрипло сказал Арсений. — Я это проверил. Он нарочно дал нам ложный след. Зачем? Чтобы выиграть время? Или чтобы...

— Или чтобы мы побежали к собору, а он в это время провернул что-то настоящее, — перебил Лев, тяжело дыша. — Арсений, он знал, что мы придём. Это была ловушка. И мы в неё попали.

— Но мы живы, — заметила Софья, убирая огнетушитель. — И мы узнали главное: Бобрищев боится. Он не просто организует подлоги — он действительно боится тех, кто стоит за ним. Иначе зачем бы ему подставлять нас?

Арсений посмотрел на них, затем на небо, где луна уже скрывалась за тучами, и сказал:

— Теперь у нас есть трое суток. Шульц дал мне три дня на разгадку. Если за это время мы не найдём настоящего заказчика, меня посадят. Но я понял одну вещь.

— Какую? — спросил Лев.

— Тот человек в плаще, у которого мы отобрали саквояж... он был не настоящим курьером. Он был переодетым агентом. Я заметил его ботинки. Они были начищены до блеска, а у настоящего посыльного никогда не бывает чистой обуви в такую грязь. Значит, он тоже был подставной. Это была игра в поддавки.

Софья внимательно посмотрела на него.

— Вы хотите сказать, что Бобрищев подстроил всё от начала до конца? От шкатулки до этой встречи?

— Именно, — кивнул Арсений. — Он играет с нами, как кошка с мышками. Он знает, что я близорук, но вижу далеко. Он знает, что вы — химик, Лев — душа компании. Он знает о нас всё. И он намеренно ведёт нас по ложному следу, пока сам готовит нечто гораздо более серьёзное.

Он замолчал, обдумывая следующую мысль.

— Но, если он знает о нас всё, то есть одна вещь, которую он не знает.

— Какая? — спросил Лев.

— Моя типология, — улыбнулся Арсений. — Он думает, что я ищу ошибки преступников. А я ишу... их страхи. Бобрищев боится, что его тайна будет раскрыта. И я найду, где он прячет эту тайну. Даже если мне придётся перерыть весь Петербург.

Он посмотрел на Софью и Льва, и в его глазах блеснул тот свет, который они так хорошо знали — свет решимости и азарта.

— Завтра утром мы идём в особняк Бобрищева. И мы найдём то, что он прячет. Не в сейфе, не в кабинете. Он прячет это там, где никто не догадается искать. В самом обычном месте.

— И где же это? — спросил Лев.

— В его столовой, — усмехнулся Арсений. — Завтра у нас будет обед. Я приглашу его от моего имени. Скажу, что хочу помириться. Он примет приглашение — он не может отказаться от возможности посмотреть мне в глаза и посмеяться. И там, за столом, у него в тарелке, я найду ключ к разгадке.

Софья рассмеялась.

— Вы хотите обыскать его за обедом? Это гениально! И абсолютно безумно!

— Это моя типология, — серьёзно ответил Арсений. — Поймать преступника там, где он чувствует себя в безопасности. За его собственным столом.

Они двинулись дальше по тёмным улицам, и хотя туман сгустился, в душе каждого из них горел тот самый свет — свет надежды, дружбы и уверенности в том, что даже в самых тёмных делах Петербурга есть место для чуда.

Глава 7. Обед превращается в шахматную партию, а десерт становится уликой

Утро следующего дня выдалось в Петербурге на редкость ясным. Солнце, словно извиняясь за вчерашний туман, заливало улицы золотистым светом, заставляя блестеть мокрые крыши и фонарные столбы. Арсений стоял у окна своей квартиры на Васильевском острове и смотрел на Неву, которая мерцала на солнце, как живое серебро.

— Значит, сегодня мы идём на обед к Бобрищеву, — сказал Лев, сидя на диване и с аппетитом поглощая бутерброд с колбасой. — Ты действительно думаешь, что он согласится?

— Согласится, — уверенно ответил Арсений. — Я послал ему записку ранним утром. Написал, что хочу обсудить условия нейтралитета и, возможно, предложить сотрудничество. Бобрищев слишком самолюбив, чтобы отказаться от возможности лично посмотреть мне в глаза и убедиться в моей слабости.

Софья сидела в кресле с чашкой кофе и внимательно слушала. Она была в платье — непривычно простом, без всяких химических пятен, но глаза её горели всё тем же огнём.

— А что, если это тоже ловушка? — спросила она. — Он может пригласить нас не для переговоров, а для того, чтобы подбросить новые улики, посадить вас окончательно.

— Поэтому мы не будем пить и есть ничего, что он предложит, — ответил Лев, дожевывая бутерброд. — У меня с собой есть кое-что из моих запасов. Я возьму свой любимый термос с чаем и несколько бутербродов собственного приготовления. Бобрищев может подсыпать яд, но он не сможет испортить мой фирменный чай с бергамотом.

Арсений усмехнулся.

— Левушка, ты готов даже в логове врага думать о своём желудке.

— Желудок, дорогой друг, — это основа здорового рассудка. Голодный сыщик — плохой сыщик. Это аксиома.

— Ну хорошо, — сказал Арсений, поправляя пенсне. — Тогда план такой: мы приходим к Бобрищеву ровно в полдень. Я веду основную беседу, пытаюсь выведать, что он знает о настоящем заказчике. Лев, ты ведёшь себя как обычно — болтаешь о еде и развлекаешь публику, а заодно внимательно наблюдаешь за слугами. Софья, ты...

— Я буду искать, — перебила Софья. — Я возьму с собой несколько маленьких пробирок. Буду незаметно проверять посуду, салфетки, любые предметы на предмет следов каких-либо веществ. Если там есть что-то необычное — я узнаю.

— А если там ничего нет? — спросил Лев.

— Тогда мы найдём другую зацепку, — твёрдо ответила Софья. — Бобрищев не мог уничтожить все улики. Он слишком самоуверен.

Арсений посмотрел на часы. Было начало одиннадцатого.

— Идём, — сказал он. — Пора.

Особняк Бобрищева на Лиговском проспекте выглядел сегодня необычно приветливо. Ставни были открыты, у входа стояли вазоны с георгинами, а на крыльце их встречал сам хозяин — в дорогом сюртуке, с ослепительной улыбкой и бокалом в руке.

— Арсений Платонович! — воскликнул он с той наигранной радостью, которая выдавала в нём человека, подготовившего сюрприз. — Лев Семёнович! И о, мадемуазель Долгорукова! Какое удовольствие! Вы решили почтить мой скромный дом своим присутствием!

— Кузьма Терентьевич, — холодно ответил Арсений, кивая. — Мы приняли ваше приглашение, потому что верим — даже между врагами возможен диалог. Особенно когда дело касается судьбы целого состояния и, возможно, чести.

— Как поэтично! — засмеялся Бобрищев, пропуская их в дом. — Проходите, проходите. Обед уже почти готов. Я пригласил лучшего повара, который умеет готовить уток по-петербургски. Ваш друг Лев Семёнович, я слышал, большой ценитель кулинарии. Сегодня он будет удивлён.

Лев вежливо улыбнулся, но в глазах его мелькнула настороженность.

— Я с нетерпением жду, Кузьма Терентьевич, — сказал он. — Надеюсь, ваша кухня так же хороша, как ваше гостеприимство.

Они прошли через роскошную прихожую с мраморной лестницей, через гостиную, где горел камин, и оказались в столовой. Это было огромное помещение с высокими потолками, массивным дубовым столом на двенадцать персон и люстрой из богемского стекла. Стол был сервирован с той изысканной помпезностью, которая говорила о желании произвести впечатление.

— Садитесь, садитесь! — пригласил Бобрищев, указывая на места. — Сегодня у нас на обед утиный паштет, суп-пюре из шампиньонов, форель под белым соусом и, конечно, десерт — яблочный пирог с корицей. Обещаю, всё будет превосходно.

Арсений занял место напротив хозяина. Лев сел справа, Софья — слева. Слуги в белых перчатках бесшумно разливали вино, но Арсений заметил, что Бобрищев пьёт не из той бутылки, которую разливают остальным. Его вино подавалось отдельно.

— Вы не пьёте с нами, Кузьма Терентьевич? — спросил Арсений.

— У меня слабый желудок, — улыбнулся Бобрищев. — Врачи запретили мне смешивать вина. Так что я пью только своё. Но вы не стесняйтесь!

Арсений вежливо отодвинул бокал в сторону. Он не собирался пить.

Обед начался. Лев, как и договаривались, пустил в ход всё своё обаяние: он расспрашивал Бобрищева о кулинарных рецептах, восхищался паштетом (который, к слову, действительно был превосходным) и рассказывал анекдоты о трактирщиках. Бобрищев слушал, улыбался, но в его глазах таилась настороженность — он ждал, когда Арсений начнёт свою атаку.

Арсений терпеливо выжидал. Он ел суп, который был подан ещё до основного блюда, но делал это с той же осторожностью, с какой дегустирует яд опытный дегустатор. Софья, незаметно под столом, опускала в карман маленькие пробирки с пробками от бутылок и ложек, проверяя их на наличие посторонних веществ.

Когда подали форель, Арсений решил, что настало время.

— Кузьма Терентьевич, — начал он, аккуратно отрезая кусочек рыбы, — я хотел бы обсудить наш вчерашний разговор. Вы сказали, что за вами стоят люди, желающие расшатать империю. Кто они?

Бобрищев поставил бокал и на секунду задумался, но его лицо оставалось невозмутимым.

— Арсений Платонович, — ответил он мягко, — вы слишком прямолинейны. Я знаю, что вы ищете правду, но правда иногда бывает опаснее любой лжи. Те люди, о которых я говорю, — они не просто заказчики. Они — тени. У них нет имён, нет адресов, нет лиц. Они существуют только в виде приказов и золотых монет, которые я получаю от них. Я их сам никогда не видел.

— Тогда откуда вы знаете, что они существуют? — вмешался Лев, отправляя в рот кусочек форели и с наслаждением зажмуриваясь.

— Они оставляют следы, — ответил Бобрищев. — Записки, зашифрованные письма, иногда — просто странные предметы, которые появляются в моей конторе без объяснений. Например... — он сделал паузу и усмехнулся, — вчера у меня на столе появилась эта.

Он достал из кармана небольшой конверт и протянул Арсению.

— Прочитайте. Это пришло мне с утренней почтой. Адреса нет. Отправитель неизвестен. Но я думаю, вам это покажется интересным.

Арсений взял конверт, открыл его и достал листок тонкой голубоватой бумаги. На нём было написано всего одно слово, выведенное каллиграфическим почерком:

«Алмаз»

— Что это значит? — спросил Арсений, глядя на Бобрищева.

— Я не знаю, — пожал плечами Кузьма. — Но, возможно, это ключ к нашей общей загадке. «Алмаз» — может быть, имя человека, может быть, название места, может быть, кодовое слово. Я не в курсе. Но если вы хотите найти настоящего заказчика, вам нужно искать того, кто знает, что означает это слово.

Арсений перечитал записку ещё раз и вдруг поймал себя на мысли, что почерк на этом листке удивительно знаком. Он не мог вспомнить, где видел его раньше, но что-то внутри него ёкнуло.

— Вы уверены, что не знаете, кто это написал? — спросил он, посмотрев Бобрищеву прямо в глаза.

— Абсолютно, — ответил тот с выражением искренней невинности.

В этот момент Софья, сидевшая справа, незаметно коснулась ноги Арсения под столом. Это был сигнал: она что-то нашла.

Обед продолжался. Когда подали яблочный пирог, Арсений уже не мог сосредоточиться на еде. Он смотрел на Бобрищева и думал: «Что ты скрываешь? И почему я чувствую, что эта записка — ещё один кусочек пазла, который ты подбрасываешь мне, чтобы я потерял время?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.